

Эта проблема решалась Н. Я. Марром с прямолинейностью и схематичностью, характерной для всей его вульгарно-социологической концепции. Социальные и идеологические категории находили у него прямое и непосредственное выражение во всех аспектах языка. Тем самым отбрасывалась в сторону не только специфика отдельных аспектов языка, но и подвергалось полному игнорированию национальное и историческое своеобразие языков. Н. Я. Марр также и в этой части своих теоретических построений вступал в резкое противоречие с лингвистической действительностью. Работы И. В. Сталина по языкознанию позволяют установить правильную перспективу в разрешении этой проблемы.

Если последовательно и с некоторой неизбежной упрощенностью рассмотреть наличествующие тут зависимости, то они рисуются следующим образом. В крайне периферийной своей части язык отзывается прямо и непосредственно на все события общественной и экономической жизни, происходящие на территории распространения языка. Он включает в себя классовые, профессиональные и прочие лексические элементы, обслуживающие интересы некоторой части общества. Из этой части лексики выбираются и включаются в общенародный словарный состав те элементы, которые необходимы для выражения идей и понятий всего народа в целом. В свою очередь из этой части словаря языка выделяется новое лексическое единство, которое оказалось жизненно необходимым народу на протяжении всего его существования. Естественно, что каждая из этих лексических категорий обладает своей спецификой и организуется не изолированно, но во взаимосвязях не только внутри лексической стороны языка, но и в составе всей системы языка в целом. Достаточно сказать, что возникновение новых элементов даже в крайне периферийной — жаргонной — своей части опирается все же на грамматические правила данного языка. Известно, что даже всякого рода арг с искусственной лексикой, вроде так называемого языка офеней или школьных «языков» используют для связи своих слов в предложения грамматику родного языка.

Лексика в свою очередь является той средой, в которой происходит «абстрагирующая работа человеческого мышления», выделяющего наиболее общие элементы в словаре языка, выстраивающего его в определенные ряды и устанавливающего правила сочетания слов в предложения. Это положение никак не следует понимать как противопоставление или даже изолирование мышления от языковых форм. Абстрагирующая работа мышления не направляется откуда-то со стороны на лексический материал языка. Она осуществляется в языковых формах и использует для выражения своих понятий слова, которые соответствующим образом стремится грамматически организовать, закрепляя тем самым успехи своей деятельности. Если бы грамматика строилась в обход словарной стороны языка и была бы прямым отражением и закреплением в виде определенных правил тех закономерных связей и отношений, которые человеческое мышление открывает в объективной действительности в процессе ее познания, то в этом случае грамматики разных языков должны были бы обладать почти абсолютным сходством, различаясь только степенью своей логической совершенности. Но в действительности абстрагирующей работе мышления, которое функционирует в конкретных языковых формах, приходится подниматься до грамматических обобщений неизбежно разными путями. Грамматической абстракции, как абстракции более высокого порядка, предшествует лексическая абстракция. Грамматика устанавливает свои правила, которые отражают закономерности объективной действительности, но явления объективной действительности предстают перед ней такими, какими они закреплены в словах языка. А слова разных языков, обозначающие одни и те же предметы и явления, могут варьироваться в своих значениях, устанавливая разные доминирующие признаки обозначаемых